Автор: admin
02.10.2010 23:15 - Обновлено 02.10.2010 23:20

Гюго - Достоевский (Стратиевская) - Часть 3

18. НОВЫЙ АПОКАЛИПСИС: "ЗАСНУЛ" СВОБОДНЫМ, "ПРОСНУЛСЯ" РАБОМ

Но что самое страшное в программе ЭИИ — так это то, что она лишает человека ВООБЩЕ ВСЕХ ПРАВ. Человек не имеет права желать, человек не имеет права требовать, человек не имеет права просить, человек не имеет права ожидать награды за свой труд, потому, что это — не скромно и не достойно добродетельного человека, который должен щедро жить ради других, не ожидая и не требуя никакой награды взамен.

Все сбрасывают излишки своего труда в некую общую кассу "взаимопомощи", а "кассир-распределитель" уже тут как тут: сам знает, кому и что в клювике принести. А кому и что — это уже его дело, он сам знает, чем и как распорядиться. Дело "трудящихся" работать и сдавать излишки по максимуму.

У него все права, у других — никаких прав, кроме права на труд до полного изнеможения и на беспредельно щедрую самоотдачу. И ещё право пытаться угодить этому "корректору и координатору", который тем больше будет повышать планку требований, чем больше будут ему угождать. А стоит только попытаться прекратить ориентироваться на его требования, как сразу начинаются упрёки и укоры: "Вы меня разочаровываете", "Я был о вас лучшего мнения", "Вы так хорошо шли вперёд, я уже думал вас ставить в пример другим! И вот, надо же, — в последний момент вы всё сами испортили — ай-яй-яй! Теперь вам надо снова подтягиваться, исправлять положение, снова восстанавливать себя в глазах общества, снова завоёвывать моё уважение!.."

А кто он такой, этот ЭИИ, чтобы завоёвывать его уважение?! Он всё время поднимает цену своему "уважению", на него никаких сил и ресурсов не напасёшься! Когда-нибудь закончится этот идиотский "лохотрон"?! И сколько ещё людей будут становиться его жертвой? А вот это, между прочим, и называется биологической программой клепто-паразитирования: существованием за счёт того, что удаётся украсть, перехватить, спрятать и перепрятать, пользуясь всеобщей суетой, суматохой, сумятицей, которую сам же и организовал.

Представляете себе такой "доморощенный коммунизм", замешанный на оголтелом, безудержном, маниакальном, параноидальном альтруизме и параноидальной же демагогии, когда ничего из в своего труда нельзя ни взять себе, ни оставить для себя, ни сделать для себя, потому, что это "не хорошо", "потому, что надо жить для других и делать всё только для других". Видали вы подобную жадность? Где они, эти — другие? Они что, руки подставляют? — он же всё "в клювике" и уносит "неведомо куда"…

— А для себя?.. — спрашивают его. — Когда себе - то можно будет, хоть часть

оставить?

А он опять:
— А почему всё себе, да себе! Если тебе что - то понадобится, другие тоже для тебя могут что - нибудь сделать, если ты их об этом попросишь. Но лучше не просить за себя, лучше просить за других и жить для других. И всё делать для других!.

А это значит, что "стоимость" услуги ЭИИ как распределителя материальных ресурсов и благ, существенно повышается: теперь, если ты хочешь, чтобы он за тебя кого - то о чём - то попросил и тот что - то для тебя сделал, ты должен ему (ЭИИ) услужить, удружить, заслужить снова его уважение, доверие и т.д.… — то есть, опять получается "лохотрон".

19."МИРАЖ" ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ "КОНФЛИКТА"

На эту тему тоже был фильм в советском кинематографе в конце 50-х: "Непридуманная история" с Жанной Прохоренко (ЭИИ) в главной роли. О том, как "дуализировались" ЭИИ (Достоевский) и СЛЭ (Жуков) и какой из этого получился ужасный конфликт, когда жена (ЭИИ) заставляет мужа работать только "на отдачу" и только для других и обязательно чужих и незнакомых. Не позволяет мужу ничего сделать для семьи, для дома, не позволяет жить нормальным домом и нормальной семьёй, не позволяет ничего накапливать и приносить в дом. У него голова кругом идёт от этого абсурда. Он никак не может понять систему её приоритетов, потому, что она вообще не живёт для дома и семьи. И его всё время гонит из дома и заставляет жить и работать для совершенно посторонних людей. Она его так замучила упрёками, что он уже начал испытывать чувство вины от того, что после работы приходит домой и занимается семьёй и ребёнком, в то время как жена находит для себя занятие вне дома: помогает дворника разгребать снег на улице. Постоянные её требования "Иди, живи для людей! Иди, помогай людям! Иди к тем, кому нужна твоя помощь!" — довели его до того, что он тоже после трудовой смены на стройке стал ходить по городу в поисках общественной работы: кому - то дрова нарубит, кому-то уголь разгрузит. Приходит к жене, отчитывается: "Вот, Варенька, я для тебя сегодня одной одинокой женщине помог машину угля разгрузить!.." а он опять его ругает: "Какой же ты непонятливый! Надо было не для меня это сделать, а для неё! В следующий раз сделай что - нибудь доброе и хорошее для неё, а не для меня!". Муж решил голову над этими премудростями не ломать, а просто пошёл к этой молодой и одинокой женщине (персонаж Татьяны Дорониной) и скрасил её одинокий досуг, для неё. Раз, другой, третий… Да там и остался. И посчитал себя вправе это сделать: он же не виноват, что он нормальный человек и его тянет к нормальному семейному очагу, а не к обиженным, униженным, обречённым! А если для неё абсолютно важно всё, кроме семьи, а семья для неё даже не на последнем месте, а вообще ни на каком, тогда, спрашивается, зачем было вообще замуж выходить? Чтобы помыкать мужем и сделать из него мальчика на побегушках? Он же не виноват, что её интересует всё, кроме семьи.

20. "ИГРУШКА С ДВОЙНЫМ ДНОМ"

Облагодетельствование всех страждущих — такая же виртуальная недосягаемая цель для Достоевского, как "Светлое Будущее" для Гамлета. С той лишь разницей, что у Гамлета это — притягательный мираж, а у Достоевского — что - то вроде игрушки с "двойным дном", в которую он играет по двойным стандартам: хочет, — вынимает приз из второго дна, не хочет, — объявляет, что приза нет и не будет, потому, что цель не достигнута (та, самая, "легко и реально достижимая здесь и сейчас".) И опять "лохотрон" получается, — "лохотрон", в который вовлекают и на который подсаживают всё большее количество людей. Какую жертву ЭИИ (Достоевскому) ни поднеси, он её недооценкой "опускает", завышенными требованиями — перекрывает. Получается худший из всех видов торга: "товар" ("приз") повышается в цене, оставаясь на прилавке. И на какую бы цену ни согласился "покупатель", как бы её ни поднимал, призовой "товар" оказывается никому не по карману. "Лохотрон", "приманка", "вечный стимул", побуждающий работать на самоотдачу, ради гордыни "лохотронщика", довольного, что раскрутил человека на безграничную самоотдачу на беспредельную трудовую жертву. Причём, раскрутил, чтобы просто пережечь его энергию, чтоб ушла она как в омут, на тёмное дно, к тем, кого лечить надо, а не подпитывать такими жертвами.

И всё это затевается ради беспредельного морального самовозвеличивания. Которое по сути, глубоко аморально. Потому, что высокие лозунги служат разрастающимся низменным амбициям, служат нарастающей, завышенной, самооценке, служат разрастающейся алчности и корысти. Посылая к "униженным и обречённым", ЭИИ раздувается от осознания собственной значимости, от сознания собственного величия.

А Жукова отправлять к униженным и обречённым — значит вытеснять в нижние слои иерархии и говорить: "Там твоё место! ("в прихожей на коврике"). А заставлять его всё отдавать, ничего не оставляя себе — значит попросту сживать со свету. Потому, что кому, как не Жукову по его программе (-ч.с.1) знать, что без материальных ценностей человек,— что душа без плоти: блуждает по свету неприкаянным скитальцем, сухим листком, гонимым на ветру! Кто же за такое предложение будет благодарен своему ближнему? Никто!

ЭИИ (Достоевский) — подзаказный ИЛИ(Бальзака) и преемник его программы "Учитесь властвовать собой", что в интерпретации Достоевского означает: "Учись отказываться от своих желаний в пользу других".

ЭСЭ (Гюго) — подзаказный СЛЭ (Жукова) и преемник его программы: "Максимум силы — это минимум бессилия", что в интерпретации Гюго означает: "Максимум желаний — это минимум отказа от желаний" ("Максимум радости — минимум уныния").

Понятно, что и требованием отказа от желаний Достоевский напоминает Гюго Бальзака (конфликтёра Гюго) — и этого достаточно, чтобы на каком - то этапе "миражные отношения" переросли в "конфликт": с какой стати Гюго должен отказываться от своих желаний в пользу непонятно кого и кому вообще может быть польза от такого отказа?

А когда Гюго лишают радостей жизни, "посылая" к страждущим и обречённым, он

тоже понимает это как вытеснение из жизни, вытеснение из системы. Это значит он должен сейчас выйти из - за праздничного стола и уйти куда - нибудь в затопленный подвал, к крысам, в грязь, в темноту, в сырость и холод… Зачем?! И кто ему может пожелать такое? Уж во всяком случае не друг!

Если Гюго "гуляет" на "свои", накапливает свои кровно заработанные материальные ценности, а тут появляется некий "наставник - благодетель", который, бледнея от зависти, только и делает, что требует: "Отдай, отдай, отдай!" и не насыщается никак всем тем, что получает от Гюго и мучает его своим унынием. И отравляет упрёками и жалобами существование. И требований своих не оставляет и не успокаивается, пока не отбирает всё и не выбрасывает его из жизни, как высохшую муху! Гюго должен привечать такого "благодетеля"?

И отказываться от удовольствий он не будет. Кому и какая может быть польза от того, что он урежет себя в радостях жизни? Что за странные фантазии, такие?! Зачем ему жизнь без праздника и без удовольствий? И зачем кому- то лишать его праздника? Прибудет что- ли кому - то от этого? Это — его жизнь и его радости, другим - то, что за дело?

21. РАЗРЕШЕНИЕ МИРАЖНОГО КОНФЛИКТА

Далёкая дистанция от жены-Достоевского — спасение для мужа-Гюго. Хотя, конечно, куда он только ни ходит спасаться от обид, упрёков, унижений вечно недовольного его жизнелюбием Достоевского.

У Гюго в партнёрстве с Достоевским ощущение такое, словно его специально подвергают изощрённой психологической пытке, — как только ни истязают морально, как только ни унижают! Отказывают в минимуме удовольствий, отказывают даже в минимуме семейных радостей. (Чтобы вообще его от них отлучить, — а как ещё его заставить работать только на отдачу? — только так, чтобы перестал получать удовольствие от радости жизни. —А разве Гюго от них откажется?..)

Когда его призывают сдерживать абсолютно все свои желания и чувства, кроме желания осчастливить ближнего, Гюго, сообразив, что в этой семье его в принципе не понимают, уходит осчастливливать кого-нибудь другого, — соседку, например.

Приходит и говорит как на духу: "Жена меня не понимает, а я — не понимаю её. И не знаю, что мне делать!" Когда об этом узнаёт жена-Достоевский, начинаются крики слёзы, паника, скандал. Разъезды жены ЭИИ по дальним родственникам на неопределённо продолжительное время. На вопрос мужа: "Когда ты вернёшься домой?", одна милейшая жена - Достоевский (после тридцати с лишним лет жизни в браке) ответила: "Тогда, когда ты, наконец, научишься жить для других и быть щедрым для других!" Жена уехала к дальним родственникам, а муж остался дома "учиться быть щедрым для других". Учился прилежно. Перезнакомился со всеми соседками в доме (Как же ему ещё поступать по творческой собирательной (+б.с.2 — только так!) Был весел, любезен, радушен, гостеприимен. Учился быть щедрым во все отношениях. В

разгар учёбы жене об этом стало известно. Родственники уговаривали её развестись. Она отказывалась это сделать "ради детей" (У которых уже были свои семьи). Назло мужу, она продолжала разъезжать по городам и весям, проведывая дальних родственников, гостя по нескольку месяцев то в одном доме, то в другом. Устав от её разъездов, муж купил дачу за городом и уговорил жену пожить там некоторое время, пока он не осознает свою вину, пока не сообразит, что он сделал "не так".

Долго уговаривал, просил прощения, обещал исправиться. Очень уж ему было не по себе от такой жизни: ни женат, ни разведён, ни свой, ни чужой — непонятно, чей?

Она вернулась в город, и ссоры возобновились. В спешке она подготовилась к переезду. Он вызвался её довезти. Дети их провожали и вспоминали потом, что они ссорились, даже когда садились в машину, ссорились и когда машина отъезжала. Видимо поссорились и по дороге…

На близкой дистанции Достоевский буквально убивает эмоции Гюго своим ханжеством, превращая его жизнь в сплошную "кислятину", в вечное уныние, сплошное раздражение и недовольство. В сплошную видимость бутафорского семейного счастья, наполняя его демо-версиями своего, только на первых порах подкупающего демонстративного - наблюдательного радушия (-ч.с.7), выставляя за дальнейшую его реализацию "непонятно какую" цену — непомерно высокую и абсолютно неопределённую, невразумительно и не доходчиво изложенную.

Просто, доступно, демократично и реалистично Достоевский свои требования тоже не излагает — это вульгарно, то "не тонко", это не достаточно возвышенно — "в человеке не физическое главное, а высокое, духовное". Опять же, Достоевский претендует на роль требовательного, капризного вечно неудовлетворённого "доминанта- наставника". При том, что и лишнюю ответственность он на себя брать боится — не решается, но не боится навязывать свою волю в опасную минуту для других, подставляя человека под неприятности. (А для Гюго это — страх и ужас! — сущее наказание! Гюго неприятностей боится пуще всего: пришла беда, отворяй ворота. А Достоевский словно специально их на его голову навлекает своим неумелым управлением (-ч.л.5), и паническим страхом бессилия (-ч.с.4). Гюго то и дело кричит ему: "Не умеешь, не берись, если руки - крюки!"

А Достоевскому хочется, чтобы с ним считались, чтобы его желания угадывали, чтобы под переменчивость его желаний подстраивались. Как любого "тонкого" аристократа этико - интуитивного интроверта, его раздражает грубый и демократичный тон Гюго.

22."МИРАЖ" КАК "КВАЗИРЕВИЗИЯ"

Таким образом, миражные отношения отчасти напоминают ревизию, переходящую в конфликт. Объясняется это сходством квазитождественных ТИМов.

квазитождество Достоевского — Есенин ревизует Гюго, соответственно, миражник ЭИИ, как квазитождество Есенина оказывается квазиревизором Гюго.

И это становится отчётливо видно на схеме соотношения моделей:

1. Посылая к униженным и оскорблённым, Достоевский перераспределяет энергию Гюго "в пользу третьих лиц", а его энергетический порыв, как "невостребованный мяч" летит в "неведомо куда" (отбивается в "пятый угол") и перегорает в самом себе.

Что делает ЭИИ с избыточной энергетикой ЭСЭ?

В рамках борьбы с эмоциональной невоздержанностью (в борьбе за духовное смирение и эмоциональное воздержание, без которого ЭИИ не видит для Человечества счастливого светлого будущего и считает невозможным его успешное духовное и нравственное совершенствование), ЭИИ ложными посулами (ориентацией на близкие, не недостижимые, мнимо реальные, виртуальные цели) стимулирует эмоциональную активность ЭСЭ, а затем "выкачивает" и "сжигает" "излишки энергии" ЭСЭ и, воздействуя на его избыточную эмоциональность фрустрациями, истощает его энергетический потенциал. В результате возникает поглощение избыточной энергии по с (-ч.э.7) ЭИИ — на (-ч.э.1) ЭСЭ.

2. С избыточным волевым напором Гюго Достоевский, в рамках "борьбы со своеволием и необузданными человеческими желаниями (в рамках "борьбы с насилием над личностью" в рамках борьбы с "гордыней"), которые тоже, по его мнению, мешают Гюго духовно и нравственно совершенствоваться, Достоевский обращается так же: ложно стимулирует его физическую и волевую активность, взывая о поддержке, "запрашивает помощь" ЭСЭ с его активационной волевой сенсорике (-ч.с.8) на свою мобилизационную (-ч.с.4), получив помощь, направляет её на иллюзорные цели, истощает её волевой потенциал, фрустрирует и сжигает излишки (потому, что декламатимная сенсорика Гюго тоже кажется ему избыточной).

3. Активация по интуиции возможностей — активизирует ЭСЭ (-ч.и.6) ложными стимулами по своей изобретательной и манипулятивной (-ч.и.2) и эфемерными виртуальными целями, с последующим истощением возможностного потенциала, фрустрациями, приводящими к апатии и отчаянию.

Таким образом, "праздника жизни для всех" уже не получается, с какой стороны ни посмотри.

4.Поылами ЭСЭ по сенсорике ощущений (+б.с.2) Достоевский активизируется реальной сенсорной помощью Гюго по (+б.с.6) и стимулирует активность Гюго, запрашивая с его стороны избыточную помощь по этому аспекту и создавая ощущение её востребованности лозунгом "Спешите делать добро!", "спешите дарит тепло!" и т.д., а дальше перенаправляет его избыточную активность на "третьих лиц" (перекачивает в "неведомо куда", "отбивает мяч в пятый угол") и создаёт режим сенсорного дефицита у ЭСЭ, а затем переводит его на "голодный паёк" (а как иначе отлучить его от избыточных радостей по собирательной сенсорике ощущений (+б.с.2), которая тоже кажется ЭИИ "опасной" ("прожорливой"), он сажает Гюго на "лечебную диету". Выкачивает сенсорные "излишки" его пристрасти, (в рамках борьбы с избыточными

сенсорными удовольствиями), Достоевский "пережигает" их и прописывает Гюго "лечебное голодание". Устраивает сенсорную блокаду. Ложно стимулирует и фрустрирует ЭСЭ ("понижает аппетит" по +б.с.2): "Прежде, чем получать от жизни радости, надо их сначала заработать!" И теперь Гюго будет вынужден "зарабатывать" примерным поведением" минимум необходимого ему "сенсорного обеспечения" — минимум того, чем был раньше избыточно богат, да ещё щедро делился со всеми.

5. По логике соотношений (+б.л.) — ложная суггестия для ЭСЭ — хуже не придумаешь: ЭСЭ (в рамках "борьбы с гордыней") становится жертвой системных манипуляций ЭИИ. Канал (+б.л.3) у ЭИИ — (+б.л.5) у ЭСЭ.. Гюго встречают с почётом, позволяют реализовать свои возможности в системе, а потом вытесняют в нижние слои иерархии — "туда, где его место", как не оправдавшего доверия. (Приходит на равных "праздник жизни" свободным человеком в орденах, уходит рабом, в цепях, в колодках.)

6. По деловой логике (-ч.л.) — ложная суггестия для ЭИИ. За что ни возьмётся, всё попадает под критику ЭСЭ "Не умеешь, а берёшься руководить! Ты научись сначала!" С позиции (-ч.л.3) у ЭСЭ — на позицию (-ч.л.5) у ЭИИ. Со стороны Достоевского — встречные претензии в рамках борьбы с гордыней и своеволием: тот, кто плохо справляется с деловыми обязанностями не имеет право их распределять. А это значит, что роль распорядителя обязанностями и деловыми поручениями принимает на себя Достоевский, а в положении "тупого исполнителя" ("рабочей единицы") оказывается Гюго.

7. по аспектам интуиции времени (+б.и.) — с канала (+б.и.8) у ЭИИ на канал (+б.и.4) у ЭСЭ ложная поддержка, ложная активация, ложное участие — "приманка в интересах саморекламы Достоевского) Даже если Гюго впереди всех побежит строить "остров счастья нынешнего дня", о его участии в этом строительстве никто не вспомнит и для него это будет "вырванное время", пустая суета сует потерянные ресурсы. Оценку за свои труды он получит неудовлетворительную, удовольствия — никакого.(Всю заслугу за этот подвиг припишет себе его "духовный наставник" и моральный поработитель Достоевский, он же и заставит Гюго "скромности ради" отказаться от причитающихся ему эмоциональных и сенсорных благ: "Скромнее надо быть, не для себя всё это делаешь, а для других, и это — главное!")

8. По аспекту этики отношений — то же самое: активация ложными стимулами разочаровывает и фрустрирует Гюго: внешне такой приятный и располагающий к себе ЭИИ, такой приветливый и дружелюбный при ближайшем рассмотрении оказывается капризным, раздражительным деспотом, вечно обиженным отсутствием должного внимания и неудовлетворённым ни количеством получаемого "добра". Происходит взаимное вытеснение с "праздника жизни" по каналу (+б.э.1) у ЭИИ и каналу (+б.э.7) у Гюго. От чего оба партнёра изводят друг друга взаимными упрёками: Достоевскому кажется, что всё самое интересное в жизни Гюго проходит мимо него и поэтому чувствует себя обделённым его вниманием и заботой. По мнению Достоевского, Гюго живёт полной жизнью "только для себя", не думая "о других". Гюго считает, что он делает достаточно добра для Достоевского, приобщая его к своим праздникам и радостям жизни и с упрёками не соглашается.

Достоевский, по мере приобщения к сенсорному празднику, всё более утверждается в роли "духовного наставника" и уже напрямую перетягивает в свой карман энергетические и материальные (эмоциональные и сенсорные) ресурсы Гюго. "Перетягивает одеяло на себя", создавая отток "сенсорных удовольствий" от Гюго, демонстративно (в порядке воспитательной меры) лишает его всех радостей жизни и одновременно упрекает Гюго в жизнелюбии, в чрезмерном желании наслаждаться жизнью, что, по мнению Достоевского, мешает духовному и нравственному совершенствованию Гюго, о котором он (Достоевский) денно и нощно радеет.

23. ОБРАТНАЯ "КВАЗИРЕВИЗИЯ"

Соответственно, имеет место и обратная квазиревизия: квазитождество Гюго — Цезарь ревизует Достоевского, соответственно, похожий на Цезаря Гюго оказывается квазиревизором Достоевского. Поэтому партнёры в миражных ИТО часто либо подолгу и попеременно испытывают дискомфорт, либо вообще заложниками диктата квазиревизора (миражника).

Вариант, при котором Гюго тотальным волевым диктатом терроризирует Достоевского достаточно распространённый. Пример его нам хорошо известен из детской сказки, из любимого фильма, снятого по пьесе Е. Шварца "Золушка".

Это тот вариант, когда ЭИИ оказывается заложником своей любви к дорогому и близкому человеку (отцу), который, в свою очередь социальным заложником Гюго (мачехи). Отец Золушки был мужем-подкаблучником у своей жены и ничего не мог с собою поделать, потому, что она была женщина "прехорошенькая". Вследствие этого и он, и его дочка Золушка стали её социальными рабами и заложниками её и её дочек, и исполнителями всех их прихотей и желаний. Попеременно используя в качестве заложника то мужа, то падчерицу, спекулируя на их любви и сострадании друг к другу, мачеха крепко (исключительно силой держала их обоих в тисках своего волевого диктата. И этим была очень похожа на СЭЭ (Цезаря) — ревизора ЭИИ. Ситуация была до такой степени безнадёжной для обоих заложников, что если бы всё это происходило не в сказочном королевстве и, если бы у Золушки не было могущественной феи - крёстной, ни за что бы она из этого плена не вырвалась, замуж бы за принца не вышла, мачеху на вираже не обошла, на тыкве бы далеко не уехала.

Источник

Обсудить на форуме